

Ведущий рубрики — кандидат исторических наук Алексей Манаев

На крыльях любви

Немолодая супружеская чета гостила у сына, жившего далеко от Москвы. Хозяева работали, поэтому во времена всеобщих очередей гостям пришлось обеспечивать провиантом все семейство. По магазинам ходили в основном дед и внук. Однажды гость на извилистом пути к прилавку почувствовал себя не очень хорошо и попросил покупателей, показывая удостоверение Героя Советского Союза, пропустить его без очереди. Просьбу уважили. Но, когда выходили из магазина, кто-то из женщин, стоявших у прилавка, обращаясь к мальчишке, посоветовала: в следующий раз, мальчик, приходи с бабушкой. Постойм, пообщаемся, потолкуем о жизни.

За советом чувствовались замечание, упрек, укор.

И услышала в ответ: а у меня и бабушка герой.

А теперь вспомним культовый советский фильм Леонида Быкова «В бой идут одни старики». Вспомним летчиков Ромео и Машу, случайно встретившихся на перекрестках войны, полюбивших друг друга и решивших пожениться. Вспомним, как отреагировал на это решение Ромео главный герой — майор Титаренко: «Это ты хорошо придумал, гм... Самое главное — вовремя...»

Так вот, счастливая пара — прототипы приехавших погостить к сыну супругов. Можете возразить: в фильме влюбленные гибнут, а наши здравствуют. Да, в фильме погибли. Окутав ореолом романтики подвиг, режиссер не мог не подчеркнуть его трагической основы. На самом же деле для

«настоящего» Ромео и его избранницы фронтовые испытания закончились как в сказке: они остались живы и поженились в мирное время.

Если вы, читатель, не знаете историю создания фильма, вы легко ошибетесь, пытаясь угадать, кто стоит за прототипами. И не мудрено. Некоторые наши «золотые» перья время от времени пытаются навязать обществу дискуссии по поводу того, почему иных предателей в генеральских мундирах надо причислить к рангу героев. А подлинные герои в навязываемой иерархии ценностей незаметно, но настойчиво вытесняются из нашей памяти.

Поэтому просто напомним: одна из сюжетных линий фильма «списана» с биографий Героев Советского Союза Надежды Васильевны Поповой и ее супруга Семена Ильича Харламова. Хотя генерал-полковник авиации Харламов, заслуженный военный летчик СССР, был и консультантом кинокартины, многое осталось за кадром. Представьте: Надежда Попова долгое время летала в одном экипаже со штурманом и подругой Екатериной Рябовой. Она тоже была удостоена звания Героя Советского Союза. Из воспоминаний сослуживцев: «Надежда Попова — Надя — красивая, яркая девушка с веселым, смеющимся лицом, летавшая азартно и смело. Могла, например, во время полета вылезти из кабины и сидеть, свесив ноги... Летала она с самого начала с Катей Рябовой — круглолицей, жизнерадостной студенткой с мехмата МГУ. Экипаж был безотказный, смелый, не боялся сложных метеоусловий и жесткой обстановки над целью...».

*Памятник Герою Советского Союза
Екатерине Васильевне Рябовой
на Новодевичьем кладбище в Москве*

Но и этим наша история не ограничивается. И Екатерина Васильевна Рябова стала супругой летчика. Да не просто летчика — дважды Героя Советского Союза Григория Флегонтовича Сивкова. Удивительно! А еще удивительнее, что каждый пятый сослуживец Надежды Поповой и Екатерины Рябовой удостоен Звезды Героя. Все они, девушки-добровольцы, воевали в авиационном ночном полку легкомоторных бомбардировщиков, который уже в июне 1942 года принял участие в боях на Южном фронте.

На первых порах барышень в летной форме всерьез не принимали. Командир дивизии, куда прибыл ночной полк, удивился: «В чем мы провинились? Почему нам прислали такое пополнение?» А вот картинка из воспоминаний начальника штаба полка Ирины Ракобольской. Однажды по

неотложным делам она прилетела в соседний, мужской авиаполк. «Мы нашли домик командира полка и постучали в окошко. Выглянул молодой мужчина в белой нижней рубашке. Я доложила: «Начальник штаба 588-го полка лейтенант Ракобольская». Гляжу, он как-то побелел, и глаза испуганные. Но когда я рассказала о цели нашего прилета, он радостно заулыбался... и признался под конец: «А у меня выбыл начальник штаба полка по болезни, я и подумал, что мне вас прислали вместо него, даже испугался». Номера полков похожи: 288 и 588. Немудрено ему было побелеть, увидев девчонку под своим окном...».

Над девушками даже подтрунивали, называя их подразделение не иначе как Дунькин полк. Эта своеобразная кличка вобрала в себя все. И то, что командовала полком летчица хоть и опытная, с десятилетним стажем, по фамилии Бершанская, но имя, имя-то у нее было «говорящее» — Евдокия! И то, что полк числом более чем сто человек состоял из девушек, едва-едва вылупившихся из школьной скорлупы, и был полностью женским формированием. Правда, однажды на Кубани к полку прикомандировали радиотехника. Требовалось установить радиосвязь хотя бы с одним самолетом — разведчиком погоды, чтобы летчик мог сообщать о метеообстановке над целью. Невысокий скромный парень сторонился «летной гвардии» в девичьем облике. Терпел. Но, когда ему на складе выдали весь ассортимент женского белья, терпение кончилось. Он заявил командиру, что радиосвязь установить невозможно, поэтому просит откомандировать его обратно. Откомандировали.

Девчонки оставались девчонками: возили в самолетах котят, танцевали в нелетную погоду на аэродроме прямо в комбинезонах и унтах, вышивали на

портянках забывдки, распуская для этого голубые трикотажные кальсоны, и горько плакали, если их отстранили от полетов. И кое-кому действительно трудно было представить, что эта как следует не оперившаяся гвардия способна противостоять хваленым фашистским тузам.

А главное — на чем противостоять? Девушкам пришлось летать на У-2, позднее переименованном в ПО-2. Помните реплику Кузнечика из фильма «В бой идут одни старики»: «Ромео из Ташкента загрустил, Джульетта в кукурузнике умчалась». Это он, У-2. Принятое на вооружение в 1928 году детище конструктора Поликарпова было для своего времени машиной завидной. Но к началу войны на фоне немецких мессершмиттов, юнкерсов, фокке-вульфов она выглядела овечкой в волчьем стаде.

Страна знала об этом. Всем своим существом страна ощущала сполохи надвигающейся войны и в маршевом темпе готовилась к ней. В короткие сроки были построены новые авиазаводы, разработаны новые типы военных самолетов, не уступавших люфтваффе. Но их выпуск начался перед самой войной — в 1940 году. Не успели. К тому же много машин было потеряно в первые дни войны. Ряд авиазаводов пришлось эвакуировать за Волгу, за Урал, и на быстрое масштабное пополнение авиапарка рассчитывать не приходилось.

Поэтому пришлось воевать на том, что есть. Надо было использовать любую возможность, чтобы прикрыть войска с воздуха. Любая «летающая этажерка» была на вес золота. А У-2 — тем более. Самолет! Никого, естественно, не радовало, что этот самолет-биплан с двумя открытыми кабинами, расположенными одна за другой, и двойным управлением — для летчика и штурмана, был едва ли

не полностью деревянным и мог загореться даже от спички, что у него не было радиосвязи, бронеспинок, защищающих от пуль и осколков. Бомбового отсека тоже не было, и бомбы приходилось подвешивать под крылья. Тихоходный «лайнер», для которого скорость 120 километров в час была запредельной, превращался в медлительную воздушную черепаху, а скорость мессершмиттов даже в начале войны подбиралась к 500 километрам в час. Пулеметы были установлены только к концу 1944 года. Личным оружием — пистолетом — с мессером много не навоюешь. Словом, если иметь в виду и техническую сторону дела, то ни дать, ни взять — Дунькин полк!

Однако и тут возникает почти невероятный сюжет: вскоре фашисты окрестили (стали величать!) наших девушек «ночными ведьмами». Заставили!

Заставили смекалкой. Бомбовые удары наносили, как правило, ночью. Летали на бреющем, на предельно низких высотах. На подлете к цели выключали моторы и планировали на нее, как привидения.

Заставили мужеством, за ночь нанося пять-шесть визитов к противнику летом и 10–12 — зимой. Чтобы уменьшить время в полете и благодаря этому успеть за ночь сделать больше вылетов, организовывали «аэродромы подскока», перелетая на них поздно вечером, а утром возвращаясь на основную площадку. Оставаться днем на «подскоке» было опасно. Его доставала фронтальная артиллерия.

Заставляли бесстрашием. На У-2 вначале не было парашютов, но даже тогда, когда они появились, экипажи парашюты не брали, предпочитая 20 дополнительных килограммов бомб. Знали: на своей земле и на подбитом самолете сумеют приземлиться, а там,

где хозяйничают фашисты, лучше остаться в горящей машине.

Немцы встречали ночных гостей, конечно, не цветами и фейерверками, а плотным зенитным огнем. Когда выяснилось, что зенитки не справляются с «ночными ведьмами», позвали на помощь «джентльменов» на мессершмиттах. В одну из ночей было потеряно сразу три самолета и экипажа. Случалось, что пилоты погибали, и тогда до аэродрома машины вели штурманы. Иногда самолеты вспыхивали в воздухе, как спички. Огонь на глазах девушек-подростков уносил в небытие подруг, а они, глотая слезы, продолжали вести бомбардировщики «в весе комара» к цели.

В 1943 году при освобождении Новороссийска Надежда Попова получила задание: доставить отрезанным от наших войск морским пехотинцам питьевую воду, питание и боеприпасы. Груз сбросила и развернула самолет обратно. Немцы открыли ураганный огонь. Попова направила самолет к морю, но и там ее встретили огнем. Крадучись над волнами, взяла курс на Геленджик. Добралась. В машине насчитали 42 пробоины.

Так, теряя друзей и подруг, попадая едва ли не каждый день в передраги, шли, вернее летели, девушки к победе. Тот самый, именуемый остряками Дунькиным, полк стал гвардейским, получил почетное наименование Таманского, был удостоен орденов Красного Знамени и Суворова III степени. И Надежда Попова, и Екатерина Рябова сделали более 800 боевых вылетов каждая.

А ведь скидок на то, что машинами управляют девочки, девчонки, не было. Как модно сейчас говорить, картина маслом: у одного из экипажей осталась неиспользованной светящаяся авиабомба, которую штурман, державший ее на коленях, выбрасы-

Памятник Героям Советского Союза
Надежде Васильевне Поповой и Семену Ильичу
Харламову на Новодевичьем кладбище в Москве

вал над целью, чтобы она, опускаясь на парашюте, освещала местность. Двое техников-механиков вскрыли эту бомбу, и сшили себе из парашюта трусики и лифчики (женщины в первое время получали мужское белье). Кто-то доложил об этом «компетентным органам». Дело передали в трибунал. Нарушителей судили и дали по 10 лет. Девушек спасли, добившись, чтобы они отбывали наказание в полку и испутили вину. Обе перучились на штурманов и обе были награждены.

Впрочем, фраза о том, что девчонкам не было скидок, лукава. Были! Обратимся к мемуарам ветеранов полка Ирины Ракобольской и Натальи Кравцовой «Нас называли ночными ведьмами». После Восточной Пруссии в полк впервые приехал командующий фронтом маршал Константин Рокоссовский. В феврале еще девяти

девушкам было присвоено звание Героя Советского Союза. И вот 8 Марта, в женский день, Рокоссовский прибыл, чтобы вручить награды.

Ирина Ракобольская вспоминает: «Я помню, как была потрясена, когда вошла в комнату, где находилось не менее десяти генералов (командующий приехал со своими заместителями и, конечно, с Вершининым (командующим 4-й воздушной армии, в которую входил полк. — *А.М.*), чтобы доложить Бершанской (командиру полка. — *А.М.*), что в зале все готово. Я вошла — Рокоссовский встал, и за ним встали все остальные командиры. «Товарищ маршал, разрешите обратиться к командиру полка», — доложила, стою, и все стоят... Рокоссовский предлагает мне сесть, и все садятся тоже... До меня не сразу дошло — ведь это он встал передо мной как перед женщиной!»

И мы, читатель, невольно подтягиваемся, когда думаем о «ночных ведьмах». И мы с вами готовы не просто вытянуться в струнку перед ними, а стать на колени, поклониться до земли за все, что они совершили. Но это благоговение иногда приводит к опрометчивым, если не сказать странным, выводам. Их представляют иногда как отшельниц и в этом видят истоки героизма. Цитирую: «Женщине-бойцу нужно было быть на недосыгаемой высоте моральных качеств, чтобы не вызвать перетолков на свой счет. А общение с мужчинами этому не способствовало. Потому-то «ночные ведьмы» избегали мужского общения. Штурманы — девочки, механики — девочки, стокилограммовые бомбы подвешивали вчетвером. Спали под крыльями самолетов, в брезентовых мешках, по двое, в обнимку. Игнорировали мужчин: думали, они приносят беду».

Нынешнее прочтение фронтовых будней некоторыми режиссерами, актерами, беллетристами с акцентом на прелюбодеяния вызывает протест. Но и ханжество ни к чему. Почитайте мемуары процитированных мной Ракобольской и Кравцовой, вдумайтесь хотя бы в эту фразу: «Постепенно изменялось наше отношение к окружающему и к самим себе: стали делать маникюр и прически, украшать свое общежитие, появились коврики над кроватями, подушечки, голубые подшлемники, разрешали приказом по полку на праздники надевать штатское платье, и влюблялись девушки, и командование полка принимало это серьезно, по-человечески».

По человечески — значит, вот как. В конце войны, по воспоминаниям летчиц, случилось чрезвычайное происшествие — одна из новеньких, прибывшая в полк вместе с пополнением, собралась рожать. Командир полка и начальник штаба поехали к командующему 4-й Воздушной армии К.А. Вершинину, чтобы доложить о случившемся. А он в ответ: «Если эта женщина, находясь в таком положении, летала на боевые задания, и никто даже не подозревал, что она беременна, то ее не наказывать, а награждать надо! Она же — героиня! Езжайте в полк и готовьте подарки. Это не ЧП — это праздник!»

Поэтому, как мне кажется, встречающаяся в публикациях фраза — на фронте нет места чувствам — противостоит естественна. Как же — без чувств? Без любви — к Родине, к отчужденному дому, без симпатий к сослуживцам? Героизм — без чувств? Мужество — без чувств? Да вы что, ребята?!

Напомню о кавалерах «ночных ведьм». Пермь Григорий Сивков успел окончить до войны авиационный техникум и военную школу летчиков, поэтому воевал с декабря

1941 года. Больше всего довелось летать на штурмовике Ил-2, машина очень живучей. Бывали случаи, когда летчик возвращался с задания почти что на дуршлагае: на крыльях и фюзеляже не один десяток пробоин. Конструкторы называли Ил-2 «летающим танком», летчики люфтваффе — «бетонным самолетом», солдаты вермахта — «чумой», «черной смертью».

Но и «черная смерть» была уязвима: в постоянно висящий над фронтом штурмовик били и сверху, и снизу. На каждые 50 вылетов одна потеря. Не случайно, если судить по документам, до 1943 года звание Героя Советского Союза присваивалось за 30 боевых вылетов на Ил-2, а после 1943 года этот ценз увеличили до 80. Григорий Сивков поднимался во фронтовое небо 247 раз. Не было недостатка и в самых экстремальных ситуациях: самолет пять раз горел, и спасало только чудо. Однажды оказался в самом логове фашистов. Выручил однополчанин, сумевший приземлиться на своей машине и умыкнуть друга из-под носа гитлеровцев.

Представитель саратовских степей Семен Харламов после окончания авиашколы принимал участие в боевых действиях с мая 1942 года в истребительном полку. На его личном счету тоже, естественно, есть сбитые месеры. Но основной летной специализацией Семена была воздушная разведка. По крайней мере, большинство из 700 боевых вылетов совершено с этой целью. Самые серьезные задачи — его, самые опасные направления — тоже его. Но самые точные разведданные принадлежали ему и его подчиненным.

Однажды фронтовые пути-дороги наших героев пересеклись путями-дорогами наших героинь. Из некогда популярной песни слова не выкинешь:

«первым делом» для них действительно были самолеты. Но не будем забывать: и парни, и девчонки воевали в самом цветущем возрасте. В возрасте, который жаждет любви.

Будете в пермских краях, загляните в местные музеи. Там увидите письма Григория Сивкова возлюбленной — Екатерине Рябовой. Столько в них сердечности, душевности, нежности — дух захватывает! Женский полк не завоевывал мужчин. Девушки очаровывали их простотой и естественностью, способностью в суровых условиях войны не пойти «в разнос» и не очерстветь от горя и испытаний. Такие они были! Нет, не ночные ведьмы. Русские мадонны!

Надежда Попова в их числе. В первых числах августа 1942 года ее самолет был подбит. Она прижала горевшую машину к земле так, что смогла выпрыгнуть без парашюта и отделаться лишь ушибами. Добиралась до части на перекладных. Обратила внимание на санитарную машину, в которой везли раненого летчика. Пошла посмотреть. Смотреть было не на что: вся голова в бинтах, только в щелочке озорные карие глаза. Жалко летчика стало: как же он будет такой, без носа. Поговорила с ним и распрощалась: «Сеня, до свидания, пишите».

Писем, правда, не было. Но однажды прибегает механик: «Товарищ командир, вас мужчина спрашивает!» А у меня, вспоминала, самолет уже стоит на взлет. И это оказывается он, Сеня, у которого я только макушку толком разглядеть успела из-под бинтов! А тут он целиком. «Так вы, оказывается, с носом», — все, что я ему успела сказать. В кабине самолета были яблоки — полк стоял в садах — и фляжка с боевыми ста граммами, которые выдавали после ночных полетов. Я не пила, отдала все ему — и улетела.

*Бюст дважды Героя Советского Союза
Григория Флегонтовича Сивкова в Перми*

А потом вновь бои, бои, бои. Встречали фамилии друг друга в газетах и радовались, что живы. 23 февраля 1945 года они сошлись на первых полосах — в указе о присвоении звания Героя Советского Союза. Поняли: это судьба. Брак засвидетельствовали 10 мая 1945-го очень оригинально — росписью на Рейхстаге.

В мирное время Семен Харламов командовал 36-й Воздушной армией, занимал другие командные должности. Надежда Васильевна уволилась из Вооруженных сил в 1952 году в звании майора. Была депутатом Верховного Совета СССР, возглавляла общественную комиссию по работе среди молодежи при Российском комитете ветеранов войны и военной службы.

А чета Сивков — Рябова, ставших супругами в июне 1945 года, штурмовала высоты науки. После окончания Военно-воздушной инженерной ака-

демии имени Н.Е. Жуковского Григорий Сивков испытывал реактивные самолеты. Потом защитил кандидатскую диссертацию. Долгое время генерал-майор возглавлял кафедру академии. Екатерина Васильевна продолжила начатую до войны учебу на механико-математическом факультете Московского государственного университета, тоже защитила кандидатскую диссертацию и воспитывала молодое поколение.

Так совпало, что академия Григория Флегонтовича наложилась на университет Екатерины Васильевны. Жили вшестером в маленькой московской квартире. Сложности начались, когда появился первенец.

«Первую половину дня с Наташей сидела Катя, — пишет Григорий Флегонтович в мемуарах. — Сменял ее после обеда я, как только возвращался из академии. Катя ехала в университет готовить дипломную работу. Так распределялся у нас день. Но труднее была ночь. Сначала мы дежурили по полночи, но не получилось: не высыпались оба. Очередной эксперимент — дежурить по целой ночи — оказался более успешным. Через день мы отсыпались, это уже легче. Молодой папа научился пеленать. Удивительно: вышла из меня, как говорили, неплохая няня!»

Завидная картина в роли няни — генерал, дважды Герой Советского Союза. С ума сойти от истории этой любви. А еще я нет-нет да и вспомню фразу из дневника летчицы ночного полка Героя Советского Союза Евгении Рудневой, погибшей над Керчью в 23 года: «Зачем мне целый мир? Мне нужен целый человек, но чтобы он был «самый мой». Тогда и мир будет наш».

Да, именно так: тогда и мир будет наш! И кто нас с вами, читатель, убедит после всего этого, что чувства на фронте были противопоказаны?